

МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В РАННИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

*Грищенко И. А., старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета
им. П. О. Сухого (г. Гомель, Республика Беларусь)*

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила положение Русской Православной Церкви (РПЦ). Для реализации антицерковной политики большевистское руководство планомерно проводило мероприятия по подрыву материальной базы РПЦ, лишению гражданских прав духовенства и монашества, организации внутрицерковного раскола и физического уничтожения служителей Церкви и активных мирян.

При неизменности курса в отношении религии, методы борьбы с ней менялись в зависимости от политической ситуации. В период гражданской войны и «военного коммунизма» применялись более радикальные меры, поскольку большевистским лидерам казалось, что с религией можно расправиться быстро. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» РПЦ теряла права юридического лица, церковное имущество национализировалось. Преподавание религии в учебных заведениях запрещалось. Однако своими акциями, носящими откровенно кощунственный характер, как, например, вскрытие мощей, большевики сами отходили от провозглашенного ими принципа отделения Церкви от государства.

На рубеже 1917–1918 гг. у верующих и духовенства была надежда, что удастся найти компромисс с новой властью. В нач. 1918 г. приходская жизнь в Гомеле проходила в привычном режиме: совер-

шались службы, крестные ходы, в Залинейном районе Гомеля продолжал строиться братский храм в честь св. Димитрия Солунского [1, л. 45–46]. В январе 1919 г. профсоюз железнодорожников ходатайствовал перед Управлением Полесских железных дорог о преподавании Закона Божиего в железнодорожных школах как обязательного предмета. Наивные представления о советской власти развеял Гомельский ревком, который отклонил прошение, поскольку оно шло в разрез с проводимой большевиками антицерковной политикой [1, л. 104–105].

В условиях относительно либерального нэпа антирелигиозные кампании сохранили свою напористость. Поводом для этого стал голод нач. 1920-х гг. Под предлогом сбора средств для голодающих Поволжья, начался грабёж Церкви и расправа с активным духовенством. В Гомеле изъятие церковных ценностей началось 26 апреля 1922 г. с Петро-Павловского собора. К 29 апреля комиссия, занимавшаяся изъятием церковных ценностей, прошла по всем православным храмам города. Все конфискованное хранилось в губфинотделе. В отчете отмечалось, что изъятие протекало спокойно, за исключением двух железнодорожных храмов. В Успенской и Николаевской церквях женщины, пришедшие с детьми, пытались сорвать работу. У верующих были опасения, что ценности пойдут не по назначению [2, л. 63]. Приходам оставлено было лишь по одному прибору престольных принадлежностей богослужебного назначения. Верующие ходатайствовали о замене священных сосудов на другие равноценные предметы. Комиссия не пошла им навстречу, более того, она запросила распоряжения об отправке конфискованного в Москву, чтобы лишить верующих надежды на возврат изъятых вещей [3, л. 139]. Таким образом, изъятие церковных ценностей было для большевистского руководства самоцелью.

Особо стоит отметить обновленческий проект ОГПУ, направленный на развал РПЦ изнутри. Задуманная обновленцами 1920-х гг.

«реформа» не только толкала Церковь в новую зависимость от уже атеистического государства, но и покушалась на канонические и догматические устои РПЦ. Умонастроение убежденных обновленцев 1920-х гг. передают слова проповеди гомельского протоиерея Федора Жудро: «Вспомним, как Христос относился к неравномерному распределению благ земных: "Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные" <...> Не верьте же тем людям, которые говорят, что коммунизм – учение противохристианское» [4, л. 5].

Советские спецслужбы перед обновленцами ставили определенные задачи. 29 апреля 1923 г. в Москве обновленческий Второй Поместный Собор объявил об извержении патриарха Тихона (Белавина) из сана и лишении его монашества. Партийное руководство подчеркивало: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство, есть сплошная клевета». В то же время в партийных циркулярах отмечалось, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана» [5, л. 55]. Иначе говоря, советская власть вообще не собиралось идейно сотрудничать с какой-либо Церковью.

Обновленческие приходы существовали только потому, что священники-обновленцы получали от местных властей регистрацию, а тихоновцы – нет. После освобождения патриарха Тихона из-под ареста (июль 1923 г.) отпавшие в обновленчество иерархи и духовенство стали массово возвращаться под патриарший омофор. В протоколе совещания агитпропа (АПО) Гомельского губкома от 23 января 1926 г. отмечалось, что с 1922 г. в губернии побывало около 7 епископов (обновленцев), «и все они своим поведением (пьянство и т. д.) окончательно себя скомпрометировали в глазах верующих

и были прогнаны» [6, л. 74]. Следует учитывать, что большинство белого духовенства были аполитичны, и многие, не разобравшись в хитросплетениях антицерковной политики большевиков, считая обновленческий Синод единственной легальной церковной властью (а так оно и было до освобождения патриарха), переходили в обновленчество, не разделяя его идеологию.

К кон. 1920-х гг. стало очевидно, что обновленчество деградировало как модернистский проект радикально настроенного духовенства и провалилось как провокационная операция ОГПУ. В антирелигиозной пропаганде акцент меняется с резких нападков на веру в сторону критики религии с опорой на естественнонаучные знания. Неубедительность советских агитаторов в отношении веры во многом объяснялась их низким образовательным уровнем. В Клинецком уезде активисты поставили пьеску, в ходе которой они топтали икону, за что крестьяне их прогнали. Гомельский агитпроп рекомендовал проявлять тактичность в отношении верующих: «В стенгазетах создавать уголок «безбожника», не превращая его, однако, в осмеивание религии» [7, л. 76, 78].

Советский, партийный демократизм на местах понимали, зачастую, буквально, совершая, с точки зрения партийного руководства, идейные и практические ошибки. Например, при проведении «антипасхи» в Добруше в 1925 г. работник укома «перестарался», пустив подписной лист от имени ячейки, чтобы люди сами определились, желают ли они работать на Пасху или праздновать ее. Губернскому руководству изначально был понятен исход такого голосования, поэтому на будущее было рекомендовано в ходе антирелигиозных кампаний разъяснять населению историю происхождения религиозных праздников и их значение «в деле закабаления трудящихся, но не в форме открытого призыва работать на пасху» [8, л. 18].

Партийное руководство считало недопустимым участие членов партии и комсомольцев в религиозной жизни и обрядах. Повсемест-

но в Гомельской губернии в сер. 1920-х гг. проходили чистки рядов партии. Некоторые сами подавали заявление об их исключении, поскольку, с их слов, бороться с религиозностью своей семьи они были не в состоянии» [8, л. 70 об., 71, 74].

На рубеже 1920–1930-х гг. со сменой политического курса сталинского руководства в антирелигиозной пропаганде вновь на первый план вышли агрессивные методы, что вылилось в массовое закрытие церквей. С 1929 г. допускалась свобода только антирелигиозной пропаганды. Вместе с тем партийное руководство стремилось придать агитационной работе более «цивилизованные» формы. Так, к нач. 1930-х гг. власти категорически запретили проводить так называемые антипасхальные карнавалы [9, л. 22]. Партийные инструкции и циркуляры рекомендовали антирелигиозную кампанию доверить учителям, беспартийным и так «умело поставить антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна» [5, л. 55].

Массовый характер закрытию храмов в нач. 1930-х гг. придавала коллективизация. К этому времени в городах практически все храмы уже были закрыты, но они оставались в деревнях. По официальным данным, на 1929 г. в Гомельском округе насчитывалось 93 православных церкви. Больше всего в Ветковском районе – 21, Речицком – 19, Гомельском – 13, Брагинском – 10, Лоевском – 10, Уваровичском – 9, Комаринском – 8 [10, л. 41]. Во многих местах создание колхоза не только сопровождалось, но и начиналось с закрытия храма, что нагнетало обстановку в деревне и создавало негативный имидж колхозным активистам. ЦК ВКП(б) в постановлении от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями в колхозном движении» осудило перегибы в отношении религии, отметив, что закрытие церквей допустимо «лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян» [11, с. 89]. В то же время, в случае сопротивления верующих, рекомендовалось «разъяснять и доказывать необходимость закрытия церкви» [12, л. 113]. Таким образом, отступление от наме-

ченного курса по ликвидации церковной жизни было тактическим ходом и мало что меняло в практической реализации этого курса. В соответствии со сталинской доктриной, об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма, Церкви отводилась роль естественного противника советской власти.

Во многих деревнях закрытие храмов сопровождалось кощунствами в отношении святынь, что вызывало эксцессы. В д. Дворище Хойникского района 1 марта 1930 г. двое колхозников расстреляли иконы, изъятые в свое время у церкви. В д. Новый Радин Комаринского района председатель колхоза, член КП(б)Б Митрохович, секретарь сельсовета Шаврей, местный учитель, ветеринарный фельдшер и несколько комсомольцев 2 марта 1930 г. учинили в церкви дебош, – танцевали, одевали на себя ризы, «венчались», «в результате чего имело место массовое выступление женщин с протестами» [13, л. 282–283].

Неудачи в колхозном строительстве власти объясняли негативным влиянием реакционного духовенства и вредительством со стороны антисоветских элементов. Однако о непопулярности колхозов говорит массовый выход из них крестьян после публикации статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Колхоз «Единство» Чечерского района в нач. 1930 г. насчитывал 42 населенных пункта с 1000 дворов. В марте 1930 г. поступило 600 заявлений о выходе из колхоза [12, л. 22].

Картину того, что происходило в это время в деревне, хорошо передает письмо, написанное 17 апреля 1930 г. председателем Бывальковского сельсовета Е. И. Гордиенко на имя А. Г. Червякова: «Женщины не хотят идти в колхоз. Народ очень религиозен, батюшка забран, церковь закрыта, и теперь никак нельзя проводить массовой работы. Где бы ни стали проводить собрание, сейчас же начинают спрашивать за батюшку. Когда разъяснили, что колхоз – организация добровольная, стали выходить. Из 150 хозяйств осталось 23. Крестьяне недоверчивы, особенно беднота» [14, л. 10].

Трагедией деревни стали массовые выселения крестьянских семей. В нач. 1930-х гг. крестьяне часто ходатайствовали за своих односельчан, как это было в д. Абакумы Карповского сельсовета Лоевского района [12, л. 22]. Бывали вопиющие, с точки зрения властей, случаи, когда в этом принимали активное участие коммунисты и комсомольцы, члены сельсоветов. Так, Ассаревичская ячейка ЛКСМБ и отдельные кандидаты в члены партии ходатайствовали об освобождении и взятии на поруки дьячка Ассаревичской церкви Павла Галка, арестованного органами ГПУ за антисоветскую деятельность. Гомельский окружной отдел ГПУ предупредил коммунистов и комсомольцев, что за участие в подобных акциях они будут привлекаться к партийной ответственности [13, л. 299 об. – 230]. Проявление милосердия, человеческого участия к жертвам террора становилось преступлением. Христианство тоталитарному режиму мешало именно тем, что культивировало эти качества в человеке. Церковь не могла остаться в стороне от той драмы, которую переживала деревня. Некоторые семьи приглашали священников отслужить молебен и благословить ссыльных на дорогу (с. Терюха Гомельского района, с. Уть Тереховского района, Речица) [12, л. 21, 37; 15, л. 24].

В нач. 1930-х гг. в рамках ликвидации духовенства как класса власти перешли к репрессивным методам. В первую очередь уничтожались активные священники, пользовавшиеся авторитетом у населения. В феврале 1930 г. тройка ОГПУ по БВО приговорила иеромонаха Герасима (Каешко) к высшей мере наказания. Его семья была выслана, крестьяне, проходившие по этому делу, получили различные лагерные сроки. Иеромонах Герасим (Каешко) в 1926 г. восстановил храм в Даниловичах, сгоревший в 1915 г., а в 1927–1928 гг. построил церковь в д. Кобылянка Уваровичского района на земле, принадлежавшей его семье [16, с. 57–64]. В 1933 г. за бескомпромиссную позицию в отношении обновленчества к высшей мере был приговорен гомельский протоиерей Павел Гинтовт [17, с. 86]. В 1937 г. расстре-

ляли всех гомельских священников и некоторых активных мирян. К 1941 г. в Гомельской области не осталось ни одного действующего храма.

Еще в нач. 1920-х гг. советский агитпроп подчеркивал, что трудность борьбы с религией, этим «последним оплотом реакции», заключается в ее укорененности в подсознании людей [18, л. 50]. Одних только агитационных методов борьбы с религией было недостаточно. Репрессии в отношении духовенства и верующих стали составной частью общей политики советского государства.

Источники и литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2415. Оп.1. Д. 459.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 860.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 59.
4. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 100. Оп. 1. Д. 598.
5. ГАООГО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 338. Циркуляр ЦК, губкома об антирелигиозной пропаганде. 1923 г.
6. ГАООГО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 818. Переписка укома ВКП(б) с партийными и советскими органами. 1925–1926 гг.
7. ГАООГО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 818.
8. ГАООГО – Ф. 2. Оп. 1. Д. 716.
9. ГАООГО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 489.
10. ГАГО. – Ф. 161. Оп. 1. Д. 176.
11. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М. В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицко-

го подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. – 424 с.

12. ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 622.

13. ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 623.

14. ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 502.

15. ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 599.

16. Цыкунов, С. В. Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С. В. Цыкунов, В. Л. Ветошкин. – Гомель : Барк, 2017. – 212 с.

17. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953): биографический справочник / авт.-сост. А. В. Слесарев. – Жировичи : Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.

18. ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1660.